

Символы в переводном тексте

© кандидат филологических наук Е. Н. Филимонова, 1999

Большая часть корейских лексем и речений фразеологического характера, встречающихся в русских переводах с корейского, имеет символическое прочтение. В данной статье нами рассматриваются некоторые лексемы и устойчивые словосочетания, а также стоящие за ними феномены, являющиеся для корейцев символами. Общеизвестно, что при переводе символическая функция иноязычных лексем и речений фразеологического характера, как правило, утрачивается. То, что представляет собой “набор специфических сигналов” (Сорокин 1977, 171), автоматически вызывающий у читателя – носителя корейского языка как непосредственные ассоциации, так и большое количество косвенных ассоциаций из различных областей, для русскоязычного читателя является “белыми пятнами”, лакунами.

Отличительной чертой корейских средневековых произведений является наличие значительного количества устойчивых словосочетаний, созданных китайской культурной традицией посредством мифологических ассоциаций, которые служат знаками (символами) ситуаций, предметов и их качеств. Следует отметить, что средневековые авторы не делают различия между событиями (героями) китайских преданий, литературных произведений и действительными (историческими), а также между тем, что происходило в древности и в гораздо поздние времена. Все у них, по мнению А. Ф. Троцевич, “относится к некоему внеисторическому времени и представляется одинаково образцовым” (Троцевич 1971, 126). Эти символы были “раз и навсегда” заданы корейской средневековой литературе, их использование стало поэтической традицией, которой следовали поэты и прозаики до XX века.

Эти символы подробно описаны А. Ф. Троцевич (Троцевич 1971, 122-126; 1965, 180-192).

Так, символом верности и постоянства в Корее издавна считались *бамбук* и *сосна*. “С бамбуком и сосной связан комплекс представлений о вечном, неизменном как свойстве мира и как свойстве человека” (Никитина 1994, 129).

“Хорошо зная сына, который словно зеленый *бамбук*, уж если решится, ничто не заставит его изменить свое решение...” (“Мангендэ” 1981, 203); “Ее волю, твердую, как металл и камень, можно сравнить лишь с зеленой *сосной*, изумрудным *бамбуком* и *пихтой*, что не меняются четыре времени года” (“Верная Чхун Хян” 1990, 42); “Язык у этой

красотки – что нож острый, верность – что *сосна* и *бамбук*” (“Повести страны зеленых гор” 1966, 227).

Подчас толкование символов автор вкладывает в уста своих героев: “– Домик опрятный, – сказал юноша, – и бамбуковая роща густа, а бамбук – это символ женского постоянства” (“Верная Чхун Хян” 1990, 32).

Лотос символизирует красоту и чистоту.

“Душа человека подобно белому *лотосу*, желания его – как весенний ветер” (“Сон в нефритовом павильоне” (1982, 30).

Лед – символ чистоты.

“А ты, неразумный, Са, чистую как *лед*, сделал несчастной” (“Скитания госпожи Са по югу” 1960, 353); “Ни разу в жизни я не выходила из дома дальше нашего сада и была чиста, как *лед*.” (“Записки...” 1985, 185).

Яшма также является символом красоты и чистоты.

“Как можно сомневаться в супруге, чистой, как *яшма*” (“Скитания госпожи Са по югу” 1960, 351); “... Са, целомудренная, непорочная, чистая, как *лед* и *яшма*” (Там же, 369).

Счастье *селезня* и *утки*. – *Селезень* и *утка* являются древним символом супружеской любви и согласия.

“В ту пору Кильдону было уже за двадцать, а он еще не изведал счастья *селезня* и *утки*” (Хо Гюн 1990, 276); “В сокровенной беседе раскрывались сокровенные чувства, словно мандаринские *селезень* и *уточка* с реки Лошуй радовались весеннему ветру...” (“Сон в нефритовом павильоне” 1982, 64).

Часто прямое значение символа не имеет очевидной связи с тем, что оно обозначает. Например, *шаги по лотосам* и *походка красавицы, радость дождя и тучки* и *радость любовной встречи; красное пятнышко* – “*соловьиная кровь*” и *непорочность, невинность девушки; карп в ледяной проруби* и *драгоценное приобретение*; и т.д. Моментом, объединяющим знак и обозначаемое, был миф или предание. Когда в корейских средневековых произведениях “описываемое явление обозначается каким-либо намеком из китайского мифа (или предания), то тем самым явление как бы сопричастует всему китайскому мифу” (Троцевич 1975, 193). Тождество знака и обозначаемого, непонятное и необъяснимое само по себе, становится ясным, если его воспринимать через соответствующий миф (или предание). Русскоязычному читателю этому способствуют подробные комментарии, составленные переводчиками.

Ступать по лотосам – образное выражение, означающее красивую походку.

Интересно отметить, что источником таких образных выражений был какой-либо эпизод из жизни красавиц древности. Литературная традиция затем создала намеки-символы. По мнению А. Ф. Троцевич,

для корейского читателя эти символы не всегда были понятны в полном объеме (истории, которые скрыты в них, порой оставались для него неведомыми), однако общий смысл всегда был понятен, так как средневековые авторы заимствовали их из китайской литературы, и набор таких зашифрованных символов был, по ее мнению, ограничен. Многие зависело и от начитанности самого читателя. Чтобы понять выражение *стунать по лотосам*, нужно быть начитанным в классике и знать о событиях, с которыми связано рождение данного выражения: правитель княжества Ци князь Дунь-хунь приказал вырезать из золота цветы лотоса и разбросать их по полу, а затем велел своей наложнице Пань Фэй пройти по ним. Глядя на нее, он приговаривал: “Каждый ее шаг рождает цветок *лотоса*” (Троцевич 1975, 179).

В переводных произведениях с корейского языка пояснения к такого рода намекам-символам даются в комментариях, расположенных после текста. Обычно они достаточно подробны и информативны.

Намеком-символом стало и образное выражение *Юэская Сиши учится походке в Тучэне*.

“Идет медленно, плавно – истинная Сиши из Юэ, которую обучали походке в Тучэне” (“Верная Чхун Хян” 1990, 30).

Источником для этого выражения послужила история красавицы Сиши: государь Гоу-цзянь (V в. до н.э.), задумав покорить княжество У, послал красавицу в подарок правителю этого княжества. Сиши так очаровала его, что он забыл о делах правления и погубил свое княжество. Перед тем, как послать красавицу ускому князю, ее обучали изящным манерам в Тучэне” (Там же, 179).

Символом любовной радости в произведениях средневековых авторов является *дождь* и *тучка*. Источником послужило китайское предание о встрече феи и князя на горе Ушань (горы на границе провинций Сычуань и Аньхуэй в Китае). Горы *Ушань* в корейской средневековой повести имеют символическое прочтение. Источником для символа стала китайская легенда. Некогда правителю царства Чу, Хуай-вану приснилось, будто фея *Ушань* разделила с ним ложе. Расставаясь с ним, фея сказала, что по утрам она будет приходить к нему на свидание облаком, а по вечерам – дождем. Когда правитель проснулся, все так и случилось, как пообещала фея (Троцевич 1975, 184).

Горы *Ушань* – в корейской повести символ любви, любовной встречи. Упоминания о встрече в горах *Ушань* в том или ином виде часто встречаются в корейских средневековых произведениях (Ким Ман Чжун 1961, 234; “Сказание о госпоже Пак” 1960, 520; “Сон в нефритовом павильоне” 1982, 58; 64 и др.).

“Их супружеское счастье было похоже на гармонию *дождя* и *тучки*...” (“Сказание о госпоже Пак” 1960, 520); “И появилось шелковое

одеяло, а потом подушка с изображением селезня и уточки, и был сон о тучке и дожде” (“Сон в нефритовом павильоне” 1982, 64).

Красное пятнышко – “*соловьиная кровь*” на руке у девушки, по народному поверью, свидетельствует о невинности; оно исчезает при вступлении в брак.

“– Вы, благородный княжич, – сохранили мне в целостности *красное пятнышко* на руке, и я прямо могу смотреть в глаза своим родителям” (“Записки...” 1985, 185); “Хун сняла шелковую рубашку, – и обнажились ее нефритовое тело и *пятнышко (соловьиной крови)*...” (“Сон в нефритовом павильоне” 1982, 64).

Выражение *камп в ледяной проруби* восходит к преданию о преданном сыне Ван Сяне, который жил в III веке н.э. Когда его мачеха захотела зимой получить свежих карпов, Ван Сян лег на лед, растопил его теплом своего тела и поймал двух карпов (Троцевич 1975, 191).

“Спи, малютка, доченька моя! Ты для меня и дочь и сын сразу, и ни за какие деньги, ни за какие драгоценные камни я не отдам тебя! Спи, моя дочурка! Ведь ты для меня – что посох, один на десятерых слепых; ты – словно *камп в ледяной проруби*” (“Подвижница Сим Чхон” 1990, 197).

Как видно из вышеприведенного примера, в тексте произведения этот символ употребляется в цепи других сравнений и является ее последним звеном, очевидно, по замыслу автора, кульминацией. Однако, русскоязычный читатель не может понять и прочувствовать это. Из контекста произведения, конечно, он может догадаться, что *камп в ледяной проруби* может обозначать нечто ценное. И все же, как нам кажется, сравнение дочери с *карпом в ледяной проруби* осталось бы для русскоязычного читателя лакуной, если бы не комментарий Д.Елисеева (“Верная Чхун Хян” 1990, 376). Прочитав предание о Ван Сяне, можно предположить, сколько трудов он затратил, сколько усилий приложил, чтобы достать карпа, и как дорого тот ему достался. Комментарий полностью разъясняет семантику символа – “ценное приобретение”. Однако, даже после разъяснения семантики, у русскоязычного читателя остается чувство странности и ошибочности такого сравнения.

Итак, не зная преданий или мифов, являющихся источником происхождения тех или иных устойчивых словосочетаний – символов, русскоязычный читатель через прямое значение компонентов этих словосочетаний не может догадаться об истинном значении символа. Подавляющее большинство из этих символов оказывается лакунами для русскоязычного читателя. В связи с этим возрастает ответственность составителей комментариев. Комментарии к подобным символам должны отличаться четкостью, краткостью, но и информативностью, полностью передавать семантику того или иного знака-символа.

Л и т е р а т у р а

1. *Никитина М. И.* Корейская поэзия XVI–XIX вв. в жанре сиджо (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время). СПб.: Петербург. востоковедения, 1994.
2. *Сорокин Ю. А.* Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977.
3. *Троцевич А. Ф.* Корейская средневековая повесть. М.: Наука, 1975.
4. *Троцевич А. Ф.* Символы в языке корейской средневековой повести // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. 1971. № 6. С. 122-126.
5. *Верная Чхунхян.* Корейские классические повести XVII–XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
6. *Записки о добрых деяниях и благородных сердцах.* Роман. Перевод с корейск. и ханмуна. Л.: Худож. литер. (Ленинградск. отд.), 1985. С.105-264.
7. *Ким Ман Чжун.* Облачный сон девяти. Роман. Перевод с корейск. М.-Л.: Гос. изд-во худож. литер., 1961.
8. *Повести страны зеленых гор.* Перевод с корейск. М.: Гос. изд-во худож. литер., 1966.
9. *Подвижница Сим Чхон* // Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII–XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С. 193-252.
10. *Сказание о госпоже Пак* // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.491-547.
11. *Скитания госпожи Са по югу* // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.323-407.
12. *Сон в нефритовом павильоне.* М.: Худож. литер. 1982.
13. *Хо Гюн.* Достойный Хон Гильдон // Верная Чхунхян. Корейские классические повести XVII–XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С.255-284.